

© 1999 г., ЭО, № 2

Е.Л. Горопова

ФЕНОМЕН «МАРГИНАЛЬНОЙ» ЭТНИЧНОСТИ В АНТРОПОЛОГИИ ВЕЛИКОБРИТАНИИ И США

Что такое этничность? Когда это явление стало заявлять о себе в глобальном масштабе и почему его концептуальное оформление в зарубежной науке приобрело черты повсеместности и вездесущности? И, наконец, что означают этнические привязанности для каждого из нас? На эти и подобные им вопросы стремятся ответить в своих работах антропологи, социологи, политологи и социальные географы практически на всех континентах. Последнее десятилетие отмечено ростом повышенного интереса к данной проблематике и в российской этнографии, хотя, безусловно, тема эта для отечественной науки не нова. Пожалуй, именно сегодня рейтинг проблем, связанных с этничностью, в нашей стране начинает неуклонно возрастать – геополитические условия этому, как известно, не препятствуют¹.

В данной статье мне хотелось бы предложить свое понимание того, какие подходы, пытаясь разгадать тайну «этничности», выработала английская и американская антропология, и как эти подходы стали следствием характера сложившихся «этнических» отношений на Западе.

* * *

Занимаясь концептуальной историей этнической проблематики в англоязычной антропологии – проблемой интерпретации и объяснения феномена этничности учеными США и Великобританией, я столкнулась с поразительным пониманием этого явления в научной традиции двух стран. Основной принцип выработанного этой наукой подхода условно можно назвать «маргинальной этничностью».

Суть подобного понимания этнической проблематики заключается в том, что, интуитивно уловив самое важное в любой фольклорной модели – феномен границы между «своими» и всеми остальными (какой бы размытой и искусственной эта граница не была), – европейские ученые почувствовали насущную необходимость обозначать одним словом сам факт явления этой иной реальности, этого другого, чуждого данному народу мира.

Греческое *εθνος*, еще в V–IV вв. до н.э. указывавшее на всякую совокупность одинаковых *живых* существ, в более позднее время стало приобретать смысл «негреческого племени» и уже в средневековье с равным успехом использовалось и христианами, и евреями для обозначения, соответственно, нехристианских и нееврейских народов², т.е. всего языческого и варварского сразу.

Появившиеся в таком исполнении в западноевропейской литературе уже с конца XIV в.³ термины *ethnic* и *ethnical* оказались как нельзя кстати, для того чтобы без лишних слов обозначать непохожее на свое – другую культуру. Таким образом, любая самобытная культура становилась попросту *этнической*. Совершенно очевидно при этом, что своя культура *этнической* быть не могла. Такое теологическое понимание этнического удивительным образом закрепилось в европейской научной традиции и приобрело прямо-таки абсолютный характер в американской литературе.

Самое важное, при этом, что такое априори принятое учеными тех лет обращение

к этнической проблематике в терминах маргинального сформировалось в рамках научного этнографического метода уже к середине прошлого века⁴ и отражало глубинные пласты европейских народных представлений. Это обращение к этничности служило неизменным фоном для всех создаваемых учеными концепций вплоть до самого недавнего времени. Рубежом эпохи «маргинальной» этничности можно считать только самый конец 70-х – начало 80-х годов XX в., когда в 1983 г. почти одновременно вышли в свет такие значительные издания, как монография «Воображаемые сообщества» Б. Андерсона и сборник «Изобретение традиции» под редакцией Э. Хобсбаума и Т. Рэнджер⁵.

Немаловажная методологическая ценность этой литературы, на мой взгляд, заключалась в том, что ее авторы, анализируя преимущественно европейскую историю, сумели уловить и довольно внятно донести до читателя новую – немаргинальную – концепцию этничности.

Действительно, Б. Андерсон и Э. Хобсбаум – историки по образованию и люди разных поколений – весьма редко прибегают на страницах своих книг к этнологической терминологии и вообще ни разу не упоминают о распространенной в те десятилетия концепции этничности, не говоря уже об употреблении выражения «маргинальная этничность». Думаю, однако, что это не столь важно. Гораздо существеннее их стремление показать «традиционность» современных европейских обществ, их тягу к формализации и ритуализации своего социального пространства на основе «исконных», «вечных», основанных на принципах «земли и крови». Какими бы недавними – *изобретенными* – эти традиции не были и сколь бы искусственные – *воображаемые* – сообщества они не поддерживали, – это не так и важно.

Авторы по сути дела, говорят следующее: «Посмотрите, сегодняшнее английское общество действует ничуть не менее "этнично", чем общество индейцев ирокезов, отстаивающих свою независимость, или еврейский иммигрант, свято чтущий образ жизни своей коммуны». Возможно, сами того не осознавая, эти английские историки интуитивно почувствовали необходимость указать на всеобщность и универсальность явления этничности. Отныне носителями «этнического» могли быть не только меньшинства и темнокожие, иммигранты и цветные, население колоний и островитяне – этничность становилась всечеловеческим способом выражения лояльности к культуре своего народа, и территория ее действия охватывает весь, без исключения, земной шар.

К сожалению, сами антропологи до сих пор не акцентировали внимание научной общественности на том, что существующая путаница в понимании феномена этничности в рамках доминирующего «маргинального» подхода к явлению еще более усугубляется.

Кризис эволюционизма в начале 1920-х годов, появление уже в довоенный период в американской культурной антропологии произведений таких известных и влиятельных авторов, как М. Мид и Р. Бенедикт⁶, озабоченность с начала 1940-х годов наиболее дальновидных антропологов «прискорбным непониманием... того, что люди пытались трактовать институты других, незнакомых им обществ в терминах знакомых и бесспорных категорий их собственных культур»⁷, внедрение постмодернистской интерпретативной антропологии – все это свидетельствовало о том, что время старого – «оценочного» – взгляда безвозвратно уходит и сменяется эрой гораздо более равноправного подхода в восприятии человека другой национальности⁸.

Понятие «прогресса» изгоняется из большинства англоязычных учебников и европоцентристская версия истории – от варварских к более цивилизованным народам – уступает место релятивистскому взгляду на историю человечества. Однако по мере того, как живущим на далеких островах аборигенам предоставлялось право быть собой, у некоторых этнических меньшинств, «цветных» и иммигрантов, озабоченных своим положением в обществе, такое право начинают ставить под сомнение.

Соединенные Штаты Америки, где история народа как ни в какой другой стране стала историей иммиграции – пример государства, в котором «этническое» стало не

просто другое, но еще и маргинальное. Это препятствие на пути создания новой американской псевдоэтничности, – американского образа жизни. В американской национальной формуле «единство из множества» на значительном протяжении истории США «единство» явно довлело над «множеством». Понадобилось несколько десятилетий, чтобы изначально заданное весьма узкое определение американской идентичности постепенно уступило место более широкому толкованию, включающему понятие «множества», под которым имелись в виду массы европейских иммигрантов. Между *pluribus* (множество) и *unum* (единство) наступило определенное равновесие, как пишет С.А. Червоная⁹. Однако понятие «истинный американец» живуче до сих пор. Важно при этом помнить, что, согласно представлениям рядовых американцев, самих УОСП¹⁰ и представителей мигрантских меньшинств, «этничность» у янки отсутствует. Американские ученые, не отличающиеся в этом от своих европейских коллег, неосознанно следуют этой формуле до сих пор.

«Этничность» и американская антропология

Очевидно, однако, что народный словарь не оперирует такими сложными концептуальными построениями как «этничность» или, того хуже, «идентичность». Американцы просто чувствуют некий этнический вакуум, окружающий англо-саксонскую культуру в их стране, особенно заметный на фоне пестрых мигрантских кварталов: национальная кухня, национальная литература, национальная одежда – все это не американская общепринятая культура (англ. *mainstream*, мэйнстрим – «основной поток»). Но это не просто не американский мэйнстрим, – это еще и противотечение общепринятой культуре, не всегда нужное и уж точно неудобное. Вот что уяснили для себя, в первую очередь, социальные ученые в США и для отражения именно этих представлений они обратились к «этнической» терминологии.

Греческое *εθνοζ*, использовавшееся практически в том же значении в исторической литературе вплоть до первых веков нашей эры, сама этимология «этничности» и вся предыдущая история его употребления в западноевропейской литературе слова «этничность» на протяжении нескольких последних столетий как нельзя лучше для этого подходили¹¹. Так, у английского существительного *ethnic* (этник), обозначающего «имеющего общие расовые, культурные, религиозные или лингвистические характеристики, особенно внутри большей системы», со временем появился подтекст также «иностранного» и «экзотического».

Более того, само слово *ethnicity* («этничность») существовало в церковной практике задолго до того, как оно появилось в научном обиходе в 40-х годах XX в. и обозначало *язычество* и *языческое суеверие*; *ethnicize* значило *вести себя, говорить как «этник»*, или *по-язычески*.

Таким образом, американским ученым не пришлось ломать голову, как назвать то, с чем они столкнулись в американском обществе. Негласным правилом американской антропологии и социологии стало отсутствие «этничности» у людей, чья культура стала образцом подражания в американском обществе. Работы ведущих американских антропологов и социологов 1940–1950-х годов, посвященные жизни местных городских коммун в послевоенной Америке, отчетливо это подтверждают.

Оказывается, правда, что и те, и другие следуют сложившейся фольклорной модели, по которой белые англо-саксы, исповедывающие одну из деноминаций протестантизма, не имеют «этничности», как само собой разумеющееся. Так, например, социальный антрополог Ллойд Уорнер в 1940-е годы выпустил серию известных работ о местных городских коммунах Америки¹². Анализируя статусную систему в г. Ньюберипорте (штат Массачусетс), названном им «городом Янки», и изучая для этого внутреннюю организацию и функции этнических групп, которые проживают в этом городе, – ирландской, франко-канадской, еврейской, итальянской, армянской, греческой, польской и русской он полностью исключает из своего рассмотрения самих янки. Следует добавить, что именно в этих работах Л. Уорнер и его коллеги

впервые в мировой научной практике начинают использовать термин *ethnicity* («этничность»).

Для того чтобы решить задачу функционирования статусной системы «города янки», ученым понадобилось слово, обозначающее всю совокупность маргинальных признаков, весь комплекс сантиментов и представлений группы, выделяющейся на фоне общего англо-саксонского мейнстрима. «Этничность» в их интерпретации становится атрибутом коллектива людей, не вписывающихся в рамки культуры янки, вне зависимости от того, что их выделяет из общей массы: цвет кожи, религиозная принадлежность или национальная кухня.

Вот как определяется ими нововведенный термин «этничность»: «... Один из нескольких факторов, как меняющихся под воздействием социальной системы, так ее изменяющих. Остальными факторами считаются возраст, пол и религиозная принадлежность... Каждый из перечисленных факторов является *характерной чертой*, которыми наделены индивиды, участвующие в процессе формирования взаимодействующих частей социума. Каждый из этих факторов, отделяя индивида от одних групп, отождествляет его с другими... Этничность может быть оценена почти полностью на биологической основе или на исключительно социальных характеристиках. Негры, которые внешне наиболее сильно отличаются от всех остальных в городе, представляют собой один полюс – в этом отношении им противостоят ирландцы... Биологическое отличие группы [негров] является символом, вокруг которого выстраиваются и социальные различия. Ирландцы поддерживают определенные социальные обычаи, которые отличают их в той или иной степени от всей общины. Все остальные группы находятся между этими двумя крайностями»¹³. Янки в этой борьбе за место под солнцем нет... Люди, культура которых легла в основу американского образа жизни, *этничностью* обладать не могут.

Для того чтобы прочувствовать ту атмосферу маргинальности, которая окружала «этничность» в американском обществе, хотелось бы привести еще несколько цитат из работ тех лет. Несколько строк из литературы 1935–1936 гг.: «Особый тип этнического группирования, где наиболее известны евреи», «евреи – этническая единица, хотя и без пространственной привязки. Подобно другим этническим единицам, евреи обладают своей собственной стандартной расовой характеристикой...»¹⁴.

Особенно часто к «маргинальной» этничности стали обращаться социологи¹⁵. С.М. Миллер в «Новой социологии» (под редакцией И.Л. Хоровитца) писал: «Пока белые этники – сначала ирландцы, затем евреи, а потом, еще позже, итальянцы собираются с силами»¹⁶. Или, например, выдержка из эссе 1953 г.: «Некоторые наблюдения над интеллектуальной свободой» известного в то время социолога Дэйвида Рисмана: "... группы, которые по причине сельского или провинциального местоположения, этничности или маргинальности другого характера чувствуют угрозу со стороны более образованных представителей высшего и среднего класса..."¹⁷.

В 1961 г. газета «Таймс» разъясняла: «Бывшие "этники", вежливое обращение к евреям, итальянцам и другим еще меньшим породам». В 1965 г. «Санди таймс» писала: «Этническое стало обозначать иностранное или не американское или просто что-то причудливое и непонятное». Позволю себе здесь привести и несколько строк из тюремного отчета: «По общему мнению персонала тюрьмы, большинство "цветных" и "этников" – жители Вест-Индии». Этот перечень цитат можно было бы продолжать. Думаю, однако, что ясно: УОСП ни за что не могли бы оказаться в списке «этников».

Таким образом, уже непосредственно до и в первые послевоенные десятилетия, когда сама по себе «этническая» терминология была очень редкой и значительно уступала «племенной» и «культурной»¹⁸, начал набирать силу «маргинальный» подход к явлению этничности, хотя, конечно, понимание всей совокупности этнической проблематики именно как феномена этничности пришло гораздо позже и, несомненно, было огромным шагом вперед на пути к пониманию глобального характера этого явления.

Для того чтобы еще глубже проникнуться пониманием «этничности» в зарубежной

антропологии, мне хотелось бы напомнить историю зарождения термина «раса», несомненно, теснейшим и драматичным образом связанного с «этничностью».

Раса, откровенно «маргинальный» характер которой никогда не ставился под сомнение, отличается от «этничности» более завуалированной формой того же негативного чувства отторжения иной культуры – иного образа жизни. «Если теория испанского происхождения термина [раса] правда, – пишет В. Соллорс, – тогда проблемы с "расой" уходят корнями в свое начало. Им пользовались в Кастилии для того, чтобы описать (и выслать из Испании) людей, "запачканных" еврейской и мавританской кровью, – отсюда, думается, "раса" в "физическом" и "зрительном" смысле. Однако список людей, на которых распространялась доктрина чистоты крови (*limpieza de sangre*), расширился и включал потомков еретиков и проклятых инквизицией. Таким образом, с самого своего ужасного начала, "раса" едва ли базировалась на представлении о "фенотипической" разнице, а скорее, на религиозно и политически, т.е. на "культурно" определяемом различии, которое по закону было наследственным, исконным и неизменным»¹⁹.

Итак, общепринятым мнением американских ученых, разделяемым и американским большинством, является отсутствие «этничности» у белых англо-саксонских протестантов. Думаю, что с этим можно и нужно согласиться, если понимать под «этничностью» атрибутику маргинальности. Но ведь есть и совсем другая «этничность» – обыкновенное, а главное, спокойное чувство солидарности с культурой своего народа, осознание принадлежности к его прошлому, настоящему и будущему, т.е. то, что в евроамериканской традиции сегодня называется *национализмом*, – словом, которое в нашей практике, как известно, звучит совсем не так благозвучно. И здесь хотелось бы особо отметить, что чувство лояльности, которое, безусловно, имманентно человеческой психике, применительно к сегодняшним государствам в зарубежной научной практике. Оно неслучайно называется «национализмом» – ощущением причастности к нации и идентификацией себя прежде всего с *нацией*.

Работы уже упоминавшихся здесь Э. Хобсбаума²⁰ и Б. Андерсона, а также влиятельных Э. Геллнера и А. Смита²¹ очень многое сделали для того, чтобы сегодня мы понимали, как велика разница между нашими представлениями о характере связей, пронизывающих социум, и тем, что и кого видели вокруг себя люди Нового времени.

Осознание себя членом национального государства – национальной единицей – появилось в Западной Европе относительно недавно, – лишь в XIX в. Например, французские крестьяне, как отмечает Э. Геллнер, стали осознавать себя больше французами, чем членами местных сельских общин. В Америке же чувство нации сформировалось раньше, еще в ходе Войны за независимость и с принятием Конституции, но «этническая» суть этого чувства оказалась почти совершенно выхоленной. Национализм в Соединенных Штатах в его положительном понимании – как комплекс чувств лояльности в отношении какой-то нации – не мог быть в условиях многонационального государства немецким, голландским, итальянским или китайским. Но не было в США и англо-саксонского национализма в масштабе всей страны, несмотря на попытки наиболее рьяных английских колонистов «утвердить Nation там, где не ступала нога человека».

И дело даже не только в том, что это фактически было невозможно. Трудно заставить, например, ирландца чувствовать свою солидарность с английской нацией: историческая связь имеется, общность корней и сходный образ жизни – тоже, но все это не означает, что сама идея английской нации станет родной и понятной ирландцу. Причина отсутствия факта явного англо-саксонского национализма, думается, в том, что у подавляющего большинства английских переселенцев, прибывших в XVII в. в Новый Свет одними из первых, это чувство еще не успело оформиться в систему национальных ощущений, явно доминирующих над коммунальным комплексом.

Даже самые передовые страны Западной Европы XVI–XVII вв., например Нидерланды и Великобритания, в подавляющем большинстве были странами аграрными, а кругозор людей, их населявших, отличался «локальностью» и не выходил за пределы

общины. Только тогда, когда были преодолены «местечковые» сантименты – от ощущения причастности к образу жизни своей деревни, общины, в лучшем случае города, появляется почва для «национализма». В Европе начала XVII в. говорить об этом было еще, пожалуй, рано. Американский национализм должен был стать безэтничным, в то время как этничный европейский национализм другим и быть не может.

Все это пока «национализм», а не «этничность» – «маргинальная» или какая-либо еще. Между тем в недрах англоязычной антропологии начинает складываться новый подход к этому явлению – как к феномену общечеловеческого свойства. Именно это пытались в 1975 г. сказать получившие известность благодаря своей работе «По ту сторону плавильного тигля» Н. Глейзер и Д. Мойнихан. Они подчеркивали, что «этничный» вопрос больше не заключен в рамки статуса меньшинств и что теперь каждый имеет ethnicity – «даже... основная этническая группа внутри нации»²². Дело, однако, в том, что только с середины 1980-х годов в американской антропологии начинают появляться работы, авторы которых обращаются к проблеме «этничности» у самих янки²³.

Правило «двойной» этничности

Было бы неверно утверждать, что сами американские ученые не догадываются о двойственном характере «этничности» в их стране. Однако двойной смысл в понимании «этничности» снова дается несколько в другой интерпретации. Так, В. Соллорс, подводя итоги своего обзора теорий американской этничности, делает следующий вывод: «Двойственность греческого существительного *ethnos* (нация, народ), которым пользовались при обращении к людям в целом, но также и к “другим”... продолжает жить в “этничности”: “народ вообще” (разделяемое всеми американцами) и “другое” (отличное от основной культуры)... Только в Америке этничность может быть понята как отклонение и как норма, как характеристика меньшинств и как типичное для всей страны»²⁴. Таким образом, с одной стороны, «этничность», как «характеристика меньшинств» – это отчетливо маргинальное явление, а с другой – «типичное» *состояние страны*, население которой действительно состоит из иммигрантов почти 200 национальностей и их потомков.

В своем эссе в «Гарвардской энциклопедии американских этнических групп» (1980) Ф. Глизон касается популярных исследований американского характера, изданных в послевоенный период, и продолжает тему «этничности как типичного состояния Америки»: «[Этническое стало] отличительной чертой американца не в силу каких-либо различий культурного наследия, а как раз по совсем другой причине, потому что этническое максимально сильно выражает “склад характера”, выработанный американским опытом перемены, мобильности и потери контакта с прошлым»²⁵.

Следует сказать, что большинство американских ученых разделяет такое понимание «этничности» в своей стране, «и только относительно недавно появились первые исследования конструкции “белой” этничности, разрушающие ту атмосферу беспроблемности, которая окружала европейское национальное происхождение»²⁶.

Правило «двойной» этничности в Соединенных Штатах, которого придерживается большинство ученых – и не только американских, известно давно. Этому вопросу посвящены уже десятки книг и статей. Более того, такое понимание этничности далеко не абстракция, оно в крови у американцев, любящих на вопрос о своей этнической принадлежности отвечать, например, так: «Я американец русского происхождения»²⁷. Мейнстрим и этничность в такой формулировке представляют собой единое и неразрывное целое. Однако смысл изменится, когда мы поймем, что сказать «Я американец англо-саксонского происхождения» означает довольно нелепое «Я американец американского происхождения».

И все же сегодня и в Соединенных Штатах, и в Западной Европе, где представление об этничности формировалось также в применении к «крайним» группам, понимание

феномена этничности как одного из проявлений общечеловеческого процесса индивидуальной адаптации личности, для которой знание своих истоков просто необходимо, становится все более и более популярным. Все большее число проницательных авторов на Западе обращаются именно к такому пониманию этничности. Американец Ч. Хэнди, автор бестселлера 1995 г. «Век беспричинности», в другой своей, не менее популярной, книге «Век парадокса» приводит старую китайскую поговорку: «Тот, кто не знает деревни, откуда он пришел, никогда не найдет деревни, которую он ищет»²⁸.

От «общины» через «нацию» к феномену этничности

Берусь утверждать, что осознанное чувство принадлежности к культуре своего народа является гораздо более сложным и абстрактным, чем понимание причастности к своей нации. Первое включает национальную идею, но этим не ограничивается. Дело даже не только в открытом диссидентстве, когда, проклиная свое государство, люди навсегда оставались в душе русскими, англичанами или немцами. В современном мире, где в большинстве случаев национализм означает государственность, затрагивается лишь одна сторона человека – его «коллективная» суть, в то время как «индивидуальная» составляющая личности остается почти без внимания.

Однако знание своих корней здесь просто необходимо: человеку нужно знать, откуда он пришел. «Индивидуальный» человек нуждается в системе координат, в какой-то «привязке»; он не может жить в свободном падении. Именно об этом, на мой взгляд, работы Э. Хобсбаума и Б. Андерсона. Культура своего народа – своего этноса – в каком бы модернизированном виде она не была, задает систему координат (или, что то же самое, ее видимость), т.е. то, что можно назвать новой, совсем не «маргинальной» этничностью.

«Этнизация», являющаяся частью другого процесса – «идентификации», отражает, думается, самое основное в явлении (как и в происходящем сегодня в мире) персонификацию коллективного пространства. Таким образом, индивидуалистический по своей природе феномен этничности – самосознание на уровне этноса (а не на уровне коммуны или нации), выражение лояльности по отношению к своим этническим корням – явление общечеловеческое, имеющее мало общего с «маргинальной» этничностью. Культурная этничность как более тонкое, чем национализм, явление нуждается в менее очевидных и прозрачных символах, чем государственные границы, гимн и флаг. Хотя национализм – осознание своей принадлежности к нации, как мы теперь знаем благодаря работам историков, антропологов и психологов, возник в Западной Европе сравнительно недавно, процесс формирования полноценного персонализированного чувства этнокультурной, – а не просто коллективной национальной принадлежности продолжается там и сегодня.

Интересно, что этот процесс перерастания экзогенных (национальных) привязанностей в эндогенные (культурно-этнические) регистрируется европейскими учеными как «спад национализма в Западной Европе». Директор Отдела исследований Национального центра социальных наук в Париже и проф. политических наук Калифорнийского университета М. Доган в статье «Сравнительный анализ спада национализма в Западной Европе: динамика взглядов поколений», пытается понять, почему сегодня в западноевропейских странах, особенно по сравнению с 1930-ми годами, наблюдается затишье в проявлении национализма. Он приходит к выводу, что «все большее число людей отводит индивидуальности верхнюю позицию в иерархии ценностей, ставя ее над категориями массы, класса, религии и национальности. ...Люди рассматривают свое персональное развитие как совершающееся необязательно ради данной национальной общности, но зачастую и вопреки ей... Индивидуализм быстро подтачивает основу национализма...»²⁹.

Повторю еще раз: этничность – это не национализм, это наше происхождение, отказать от которого сложно. В странах Западной Европы, прошедших этап на-

циональной зрелости и уже достаточно иммунизированных против национализма – как агрессивного, так и миролюбивого, спад националистических настроений отмечается повсеместно. Институт национализма там замещается культурной этничностью. Очень важно при этом понимать, что современная этничность, о которой здесь идет речь, как правило, может дать побег только на почве зрелого национализма. Такая этничность преодолевает национальные границы, о существовании которых хорошо осведомлена, в то время как средневековая «этничность» локальна и ограничена своим незнанием.

Очевидно, что понимание общечеловеческой сути феномена этничности отличается от маргинального подхода к этому явлению, доминирующему в американской антропологии. То, что последняя называет ирландской, итальянской или китайской «этничностью», оказывается по сути дела смесью, обильно приправленной «маргинальностью», подлинной этничности соответственно ирландского, итальянского или китайского происхождения с остатками импортированного из этих стран в США национализма.

* * *

Прибывшие в Америку первые переселенцы были людьми Нового времени из Старого Света. Там большинство из них являлось прежде всего членами своих общин. Представление о своей национальной принадлежности носило, скорее всего, еще очень смутный характер. Более того, зачатки «национализма» и «этничности» на том этапе представляли собой единый комплекс привычного образа жизни – *обычая*, т.е. того, что очень долго было объектом изучения социальной и культурной антропологии в Великобритании и США на примере так называемых обществ с архаической структурой. Весь массив европейского средневековья держался на обычае и почтенном «аргументе традиции».

Эпоха Нового времени подточила основы этой глыбы, но так как «социальные роли в общем и целом представлялись и определялись в терминах родства... [то] политические, экономические, ритуальные и все другие виды обязательств накладывались одно на другое в единое метафоричное целое... Социальная видимость и авторитет отношений подкреплялись избытком "ритуальных напоминаний"»³⁰. Вместе с тем ограниченному пространству обычая далеко до границ империи, единство которой долгое время, как подчеркивает Б. Андерсон, было *неосознанным*. Только «в XVII в. начинается медленное падение автоматической легитимности... монархизма»³¹ в сторону осознанного причисления себя к этой общности.

Перефразируя Э. Геллнера, можно сказать, что это переход от состояния, в котором обычай поддерживает не политические границы, а только статус, к новому положению вещей, при котором обычай игнорирует статус и подчеркивает политические границы. «Это переход от традиции к национализму... развивается от очевидного этнико-определяющего, религиозно-династического порядка к бешеному национализму... В 1815 г., как показывает Венский конгресс, старая династийно-религиозная система еще оставалась на своем месте»³². Но даже в Европе 1948 г., «в эпоху апогея национализма... когда именно интеллектуальная элита разжигала идеи патриотизма»³³, говорить об этничности как о важнейшей и неотъемлемой части идентификации личности, а не гражданина, было еще рано: этот индивидуалистический по своей сути процесс в Западной Европе идет не больше полувека.

* * *

Выше я уже обращалась к теме англо-саксонского национализма в Соединенных Штатах, пытаясь показать, что он просто не мог получить там широкого распространения. Английский национализм еще не сформировался в Европе начала XVII в. в стройную систему, довлеющую над коммунальными связями, и оказался, прямо скажем, второстепенным в деле становления американской национальной идеи.

В условиях такой многонациональной страны, как США, огосударствление какого-то одного национализма, в частности насильственное принятие всеми американцами английской национальной идеи, было бы просто невозможно.

Выскажу, однако, предположение, что к XVII в. не успела сформироваться и подлинная «английская» этничность. Процесс осознания себя частью этнической культуры на уровне личности требует широкого кругозора, всеобщего образования и глобальной сети масс-медиа. В Западной Европе этот процесс начался лишь с окончанием второй мировой войны. Силы, складывающиеся разрозненные кирпичики повседневной жизни человека в стройную систему культурно-этнической идентификации личности, вступают в действие только на определенном, зрелом, уровне развития национальных связей. Поэтому факт отсутствия в XVII в. у пересекавших Атлантику первых английских переселенцев этнического самосознания оказал важнейшее влияние на формирование американской идеологии в духе безэтничности, официально проповедуемой отцами-основателями с конца XVIII в. Это и сделало идею американского народа относительно приемлемой для всех.

В иерархии идентичностей большинства прибывших в XVII в. на новый континент людей непосредственно «этнический» компонент оказывался наиболее слабым местом. Самыми ясными были социальный и экономический статус человека в коммуне и, конечно же, образ жизни. Именно последний поселенцы с педантичностью воспроизводили везде, куда бы не забрасывала их судьба.

Недавние исследования американских историков удивили научную общественность США тем, что в них обращалось внимание на то рвение, с каким первые английские колонисты *воспроизводили* стабильные, упорядоченные и иерархически структурированные сообщества. Можно полагать, что стержнем этих первых коллективов на берегах Массачусетского залива и в Виргинии была коммунальность, но отнюдь не английская национальная идея. «В североамериканских колониях и позднее в Соединенных Штатах процессы "европеизации" осуществлялись рассеянными по территории автономными группами, зачастую протестантскими сектами и другими группами поселенцев и торговцев, тогда как англиканская церковь и британское правительство играли лишь вторичную (хотя наверняка не ничтожную) роль», — пишет известный ученый С.Н. Айзенштадт³⁴.

Об этом говорил и Дж. Вашингтон, когда в качестве основного требования поселенцам выдвигал их готовность смешаться с «нами» и воспринять «наши» *обычаи*, политику и законы. Спустя почти два столетия после того, как в Виргинии обосновались первые английские колонисты — в подавляющем большинстве своем не адепты английской национальной идеи и не носители английской этничности, а прежде всего (и важнее всего) члены своих (английских) общин, президент страны мог позволить себе надеяться на единообразие всех граждан. От колонистов не требовалось отказываться от своих национальных корней, но им следовало соблюдать *обычай*: они могли оставаться *этниками*, но должны были следовать *мэйнстриму*.

В XVII в. у первых английских переселенцев не было «этничности» в современном понимании, но уже к концу XVIII в. возникла американская по своей сути гражданская идеология. Так как мэйнстрим безэтничен, все остальное сразу же становится *этническим*. Благодаря каналам народной памяти «безэтничность» у первых янки сменилась «высокой» научной традицией. Последняя долгое время лишала англосаксонское меньшинство *ethnicity*, наделив ею в полной мере всех остальных. Этничность в Америке приобрела ярко выраженный маргинальный оттенок.

В заключение хотелось бы затронуть еще одну тему, без которой понимание феномена этничности в США было бы неполным. Дело в том, что «безэтничность» первых переселенцев создала совершенно уникальный прецедент — я бы назвала это явление «преобритенной» этничностью в отличие от сугубо «врожденного» ее понимания в Старом Свете.

Этничность «врожденная» и «приобретенная»

Как известно, все важнейшие связи средневекового времени носили статус «исконных». «Новшество считалось грехом... изобретать считалось безнравственным... доказательством истины было "извечное" существование... даже в том, что касается знати, гарантией почтенности была прежде всего древность рода», – пишет Жак ле Гофф³⁵. Все отношения Старого Света пронизывала основанная на «земле и крови» коммунальность локального характера.

Эпоха буржуазных революций, безусловно, способствовала ломке устоявшихся отношений, но в интересующем нас XVII в. этого было еще не достаточно, для того чтобы существенным образом изменить средневековую ментальность. «Что же касается социальной мобильности, – пишет Ф. Бродель, – то она активизировалась с экономическими подъемами, однако же буржуазия никогда не повышала своей социальный статус в большей массе, ибо процент привилегированных по отношению ко всему населению оставался ограниченным. ...Так как социальная мобильность была затруднена и ее жаждали долго, то естественно, что новые избранные, всегда малочисленные, часто делали лишь то, что укрепляло существовавший порядок. ...Значит, ничего нет удивительного в том, что социальный материал, который отливался в рамках мира-экономики, в конце концов, по-видимому, приспособлялся к нему надолго, отвердевал и образовывал с ним одно целое»³⁶.

Исконность закреплялась законодательно, а происхождение и чистота крови значили больше, чем все остальное. Для того чтобы «врожденность» стала Абсолютом, нормой истины во всех отношениях, связанных с собственностью, должен был быть прочный институт наследственности. «Феодализм – это прежде всего система личных связей... Эти связи имели реальную основу – бенефиций»³⁷. Начатый еще Карлом Великим процесс вертикального иерархизирования общества, связанный с личной преданностью королю через цепочку посредников-вассалов, уже к середине IX в. привел к установлению наследственности бенефициев и оформлению такой формы отношения к собственности, в рамках которой этничность, как и любое другое явление того времени, могла быть только врожденной, фатальной или, как бы мы назвали ее сегодня, «примордиалистской».

В таких условиях началось формирование европейского национализма и этничности. Английские колонисты, поселившись в 6000 км от своей родины, вынуждены были прервать эту связь времен и территорий. Они не успели стать носителями «врожденной» этничности, но приобрели новое качество американского гражданства. «Безэтничность» не в последнюю очередь способствовала психологической свободе от уз времени, особенно остро ощущаемой по мере продвижения на дикий Запад.

Отсутствие жестких классовых и цеховых ограничений, свобода от наследственного предписания целей и заранее заданных путей их достижения стали почвой, на которой взошла американская культура с пусть и не всегда реальной, но глубоко демократичной по духу и замыслу «американской мечтой». «Широко распространенное равенство социальных условий, отсутствие большой дистанции между людьми делали их необычайно чуткими к сохранившимся элементам неравенства и порождали яростные попытки от них избавиться», – пишет С. Бручи³⁸.

Большинство английских переселенцев XVII в., являвшихся прежде всего членами своих общин, обладали смутным представлением о нации и еще более размытым пониманием своей этнической принадлежности. Англо-саксонская «этничность» не успела стать в Европе «врожденной». Исконным и непоколебимым был английский образ жизни – единственное, что первые колонисты знали наверняка. Можно предположить, что чем позже прибывал мигрант, тем «больше» ему приходилось оставлять на родине своих предков. Он уже не являлся социально-экономической ячейкой своей коммуны, бывшим членом национального государства или религиозным адептом. Все больше и больше он становился этническим носителем.

Именно «безэтничность» первых поселенцев сделала возможным создание гражд-

данской идеологии, относительно приемлемой и для всех остальных. Более того «безэтничность» мейнстрима стала поводом к оформлению представления об «этничности» в американской научной традиции как о сугубо маргинальном явлении. Такое понимание этничности начало подвергаться сомнению только с середины 1980-х годов.

Прежде чем завершить эту статью, мне хотелось бы уточнить, что кроме «безэтничности» первых англо-саксов маргинальность этников подкреплялась сложившейся вокруг них в Соединенных Штатах социально-экономической, политической и культурной ситуацией, которая только усугубляла их положение как «крайних».

В истории мировых держав с таким опытом колониализма и рабства, как в Великобритании и США, отчетливо прослеживается эта эволюция в подходах к «этническому»: от откровенно экономических отношений через менее жесткое социальное и политическое проявление «этнического» в сторону оформления все более равноправного – культурного и психологического – уровня постановки проблемы в социуме.

Американская «этничность» к 40-м годам текущего столетия уже успела проделать свой путь от неприкрытой «экономической» формы, развитой на рабовладельческом Юге, через отмену рабовладения, сменившегося более завуалированной официальной сегрегацией, к установлению социальной – статусной – «этничности» в мегаполисах Северо-Востока. Американская культурная антропология и социология Соединенных Штатов чутко реагировали на эволюцию «этнического» в американском обществе.

Заключение

Итак, в этой статье я попыталась в краткой форме изложить свое понимание того, что означало на протяжении многих лет *этническое* в американской культурной и английской социальной антропологии.

Повышенное внимание к тому, как трактовалось это явление в американской науке, объясняется тем, что именно в Соединенных Штатах – стране, историю которой делали иммигранты, «маргинальный» подход к этничности приобрел особые выпуклость и очертания. Однако понять ход превращения *этнического* в феномен этничности невозможно, на мой взгляд, без учета трех «этнических» форм, так или иначе распространенных в Европе и получивших свою новую, «американскую» жизнь в Соединенных Штатах: *коммунализм*, ограниченный укладом жизни своей общины или деревни, *национализм*, базирующийся уже на невидимых границах империи или государства, и непосредственно сама *этничность* – комплекс идентификационных связей личности, внутренняя свобода которой не ограничивается ни национальной, ни этнической принадлежностью.

Восприятие отдельных элементов своей повседневной жизни как «этнических» подразумевает высокий уровень абстракции и знание других культур³⁹. От коммунизма через национализм к этничности ментальная карта личности расширяется от локального знания через национальное к глобальному, и феномен границы приобретает все меньшее значение. О национализме в Европе как о явлении можно говорить с конца XVIII – начала XIX в., в то время как этничность там принимает очертания полноценного явления лишь с окончанием второй мировой войны.

Социальные науки со своей стороны следовали развитию объекта своего внимания, и после того, как был пройден необходимый подготовительный этап в науке, т.е. были написаны и прочитаны основные труды В. Джеймса, Г. Зиммеля, М. Вебера, К. Маннгейма, Р. Парка, К.Г. Юнга, М. Мид, Э. Эриксона, начинается их постепенное, пока еще очень медленное непосредственное обращение к *феномену этничности*.

Мировые войны, уничтожение колониализма и рождение постколониальных стран, массовые миграции и постепенная глобализация, безусловно, способствовали новому пониманию явления этничности. Очень важно, однако, помнить, что подход к этничности, который английские антропологи и их американские коллеги выбрали почти

одновременно, оказался разным – разным настолько, насколько неодинаковым был материал, с которым им пришлось работать.

Несомненно, что для российских этнографов, которым именно «культурное» понимание этничности традиционно гораздо ближе, намечающийся переход от этничности «крайних» к этничности «всех» должен происходить, видимо, не так болезненно, как на Западе. Надеясь «этничностью» меньшинства и окраинные народы, мы тем не менее не испытывали особых проблем с изучением и самой русской этничности. Думаю, кризис, переживаемый концепцией «этничности» в зарубежной антропологии, отмечаемый всеми без исключения ее представителями, не в последнюю очередь объясняется тем, чем успели «нагрузить» этничность социальные науки в этом столетии.

Примечания

¹ Приведу краткий перечень недавних работ российских ученых, посвященных феномену этничности: Тишков В.А. Социальное и национальное в историко-антропологической перспективе // *Вопр. философии*. 1990. № 2; *его же*. Этничность, национализм и государство в посткоммунистическом обществе // *Вопр. социологии*. 1993. № 1–2; *Коротеева В.А.* «Воображенные», «изобретенные» и «сконструированные» нации: метафора в науке // *Этнограф. обозрение* (далее – ЭО). 1993. № 3; *Знаменский А.А.* Этнонационализм: основные концепции американского обществоведения // *США: экономика, политика, идеология*. 1993. № 8; «Взаимодействие политических и национально-этнических конфликтов»: Матер. междунар. симпоз. Москва, 18–20 апреля 1994 г. М., 1994; *Чешко С.В.* Человек и этничность // ЭО. 1994. № 6; Этничность и власть в полиэтничных государствах / Отв. ред. Тишков В.А. (Матер. междунар. научн. конф. Москва, 25–27 января 1993 г.). М., 1994; *Козлов В.И.* Проблематика «этничности» // ЭО. 1995. № 4; *Колпаков Е.М.* Этнос и этничность // ЭО. 1995. № 5; *Скворцов Н.Г.* Проблема этничности в социальной антропологии. СПб., 1996; *Тишков В.А.* О феномене этничности // ЭО. 1997. № 3.

Особо хочется отметить статью Б.Е. Винера «Этничность: в поисках парадигмы изучения» в ЭО. 1998. № 4. Эта статья крайне важна для отечественной этнологии и затрагивает ряд важнейших для современной науки проблем. Сегодня как никогда важно определиться с существом общетеоретических задач, без решения которых невозможно дальнейшее продвижение вперед. Верно подмеченное Б.Е. Винером трудное положение, в котором сегодня оказались многие западные концепции этничности, не в последнюю очередь, на мой взгляд, связано с тем, что гуманитарная наука переживает кризис основных ценностных ориентиров, которым она следовала в течение долгого времени, и погружается в пучину концепций, теорий и идей, каждая из которых следует своей логике развития. Попытки чисто механической подгонки таких теорий, как правило, заканчиваются неудачей. Вероятно, здесь нужны новые, нетрадиционные подходы, в этом отношении, несомненно, представляет интерес предложение Б.Е. Винера воспользоваться «габитусом» из теории практики П. Бурдьё. Суть этих идей на русском языке, на мой взгляд, можно передать так: «разработка вероятностного понимания мира в широком аспекте».

Вместе с тем хотелось бы привлечь внимание русскоязычной аудитории, возможно, не всегда владеющей в достаточной мере английским языком или просто не имеющей доступа к тем или иным иностранным изданиям, к факту наличия и в нашей отечественной науке таких работ, крайне полезных для понимания природы этничности. Речь идет о написанных в 1970-е годы работах В.В. Налимова – ученого, снискавшего международное признание (см., напр., *Налимов В.В.* Непрерывность против дискретности. Тбилиси, 1978; *его же*. Спонтанность сознания. Вероятностная теория смыслов и смысловая архитектоника личности. М., 1989; *его же*. Требование к изменению образа науки // *Вестн. МГУ. Сер. 7, Философия*. 1991. № 5; *его же*. В поисках иных смыслов. М., 1993 и др.). Если сказать кратко, основная его идея заключается в существовании некоего семантического вакуума, в котором «упакованы» все возможные смыслы, находящиеся там в аморфном состоянии и спрессованные так, как спрессованы числа на действительной оси. Мир – это и есть нераспакованный (непроявленный) семантический вакуум. Для того чтобы *прочитать* этот изначально аморфный текст так, чтобы он проявил свою суть, необходимо эти смыслы «распаковать». Однако в зависимости от фильтра, с помощью которого этот текст реинтерпретируется, содержание текста может оказаться принципиально разным. По таким вероятностным законам развивается и модель человеческого сознания. Этничность можно также рассматривать как одну из реакций человеческого сознания в ответ на стимулирование извне. На мой взгляд, просто и кратко суть этничности можно понять, если относиться к ней как к одному из способов самоопределения личности, причем к такому из них, который, видимо, является наиболее естественным для человека. Это такой фильтр, который почти всегда «под рукой», и его можно без труда извлечь из глубин человеческой психики. В этом отношении примордиализм, инструментализм и другие «измы» этничности – те же фильтры семан-

тического вакуума человеческого сознания, включающиеся в действие в зависимости от сложившихся обстоятельств.

Что касается «измов», которыми оперирует западная наука при построении концепций этничности, то хотелось бы напомнить, что помимо примордиализма, инструментализма (ситуационизма) и конструктивизма, безусловно, наиболее важных в этнических теориях, есть еще сёрвайализм (от англ. survival) с эволюционизмом; максимализм с минимализмом; ассимиляционизм с интеграционизмом и ряд других. Все эти направления расходятся в объяснении природы, причин существования, «воспроизводства» и перспектив этничности в будущем.

В отношении ситуационизма (или, точнее, инструментализма), думаю, необходимо добавить, что одним из первых ученых, обратившихся к анализу феномена этничности с этой точки зрения, был известный социальный антрополог А. Коэн. Его работы, в частности «Обычай и политика в урбанизированной Африке» (см.: *Cohen A. Customs and politics in Urban Africa. Berkeley, 1969*), стали уже классикой инструменталистского подхода к этничности в зарубежной науке.

Хотелось бы отметить, что роль **представлений** человека о своих этнических связях в общей модели его мировосприятия остается еще малоизученной областью в концепциях этничности. Между тем именно там, на мой взгляд, и лежат ответы на многие из стоящих перед нами вопросов.

² Не теми же путями *gentile* из библейского «нееврея» превратилось в американского «немормона»?

³ Так, первое упоминание слова *ethnic* в этом значении в теологической литературе, на которое ссылается «Оксфордский словарь английского языка», относится к 1375 г. Этот же словарь приводит еще несколько случаев преимущественно церковного употребления этого термина все в том же значении в 1470, 1534, 1545, 1581 и более поздних годах. См.: *Oxford English Dictionary. Oxford, 1961. P. 313–314.*

⁴ Прилагательное «этнический», задокументированное впервые в «Оксфордском словаре английского языка» в 1851 г., стало очень популярным после публикации работы Г.В. Самнера «Образ жизни народов» (1906) с ее знаменитой частью, посвященной «этноцентризму». Термин «этническая группа» можно найти в следующих книгах: *Berkson I.B. Theories of Americanization: A Critical Study With Special Reference to the Jewish Group. N.Y., 1920; Kallen H.M. Culture and Democracy in the United States. N.Y., 1924; Woofier T.J. Races and Ethnic Groups in American Life. N.Y.; L., 1933.* Но, наверное, самым известным первым «пользователем» «этнических групп» стал Р. Парк, обратившийся к расовой проблематике в 20-е годы нынешнего века.

⁵ См.: *Anderson B. Imagined Communities. Reflections on the Origin and Spread of Nationalism. L., 1983; The Invention of Tradition. Cambridge, 1983.*

⁶ См.: *Mead M. Coming of age in Samoa. L., 1929; Growing up in New Guinea. L., 1931; Sex and Temperament in Three Primitive Societies. L., 1935; Benedict R. Patterns of Culture. Boston; New York, 1934.*

⁷ *Beattie J. Other Cultures: Aims, Methods, and Achievements in Social Anthropology. N.Y., 1964. P. X.*

⁸ Эванс-Причард писал в 1951 г. в «Социальной антропологии»: «Этот этноцентричный подход придется преодолеть, если мы ценим богатое разнообразие человеческой культуры и социальной жизни». (См.: *Evans-Pritchard E.E. Social Anthropology. L., 1951. P. 26.*)

⁹ Червоная С.А. Возможно ли единство во множестве? (К проблеме американской идентичности) // США: экономика, политика, идеология. 1997. № 10. С. 8–9.

¹⁰ Аббревиатура *WASP* (англ. *WASP – White Anglo-Saxon Protestant*) широко распространена в Соединенных Штатах и обозначает культурное ядро американской народности – белых протестантов, принадлежащих к «англо-саксонской расе».

¹¹ Здесь и далее, обращаясь к этимологии «этнического», я буду пользоваться специальной подборкой по этой теме американского ученого В. Соллорса. См.: *Sollors W. Etymology. «Ethnic, ethnical, ethnicity, ethnique, ethnique»: Entries from Oxford English Dictionary (1961) and Supplement (1972), and Grand Robert (1985) // Theories of Ethnicity. A Classical Reader / Ed. Sollors W.L., 1996. P. 1–12.*

¹² *Warner L., Lunt P. The Status System of a Modern Community. New Haven, 1942; Warner L., Srole L. The Social Systems of American Ethnic Groups. New Haven, 1945.*

¹³ *Warner L., Lunt P. Op. cit. P. 73.*

¹⁴ См.: *Sollors W. Etymology... P. 6.*

¹⁵ На устоявшуюся традицию именно американской социологии обращаться к этническим группам как к частям большего сообщества указывают, в частности, А. Смит и Дж. Хатчинсон в недавно вышедшей под их редакцией антологии «Этничность». См.: *Hutchinson J., Smith A. Concepts of Ethnicity // Ethnicity. Oxford, 1996. P. 15.*

¹⁶ См.: *Sollors W. Etymology... P. 7.*

¹⁷ *Riesman D. Some Observations on Intellectual Freedom // Amer. Scholar. № 23 (Winter 1953–54). P. 15.*

¹⁸ Концепция «племени» подверглась коренному пересмотру только в 60-е годы нашего века, что явилось важнейшим этапом в развитии самой идеи «этничности». Об этом см.: *Шнирельман В.А. Проблема доклассового и раннеклассового этноса в зарубежной этнографии // Этнос в доклассовом и раннеклассовом обществе. М., 1982.*

¹⁹ Sollors W. Foreword: Theories of American Ethnicity // Theories of Ethnicity. A Classical Reader. L., 1996. P. XXXV.

²⁰ См., напр.: Hobsbawm E. The Age of Revolution. L., 1962; Industry and Empire. L., 1977.

²¹ См.: Smith A. The Ethnic Revival. Cambridge, 1981; The Ethnic Origins of Nations. Oxford, 1986; Gellner E. Nations and Nationalism. Oxford, 1983; Conditions of Liberty. Civil Society and its Rivals. L., 1994.

²² Glazer N., Moynihan D. Introduction // Ethnicity: Theory and Experience. Cambridge, Mass., 1975. P. 4.

²³ Среди таких работ можно назвать следующие: Lieberman S. Unhyphenated Whites in the United States // Ethnicity and Race in the U.S.A.: Toward the Twenty-First Century. L., 1985; Waters M.C. Ethnic options: Choosing Identities in America. Berkeley, 1990.

²⁴ Sollors W. Etymology... P. XI.

²⁵ Gleason P. American Identity and Americanization // Harvard Encyclopedia of American Ethnic Groups. Cambridge, Mass., 1980. P. 49.

²⁶ Banks M. Ethnicity: Anthropological Constructions. L., 1996. P. 84.

²⁷ Российские ученые хорошо об этом осведомлены, в частности В.А. Шнирельман часто использует этот пример в своих лекциях.

²⁸ Handy C. The Age of Paradox. Harvard, 1994. P. 117.

²⁹ Доган М. Сравнительный анализ спада национализма в Западной Европе: динамика взлядов поколений // Междунар. журн. социальных наук. (Далее – МЖСН). Сравнительная политология: демократия, национализм, режимы третьего мира, правящий класс. 1993. Ноябрь. № 3. С. 52–53.

³⁰ Gellner E. Conditions of Liberty. Civil Society and its Rivals. L., 1994. P. 7.

³¹ Anderson B. Imagined Communities. L., 1983. P. 18.

³² Gellner E. Conditions of Liberty... P. 119.

³³ Доган М. Указ. раб. С. 55.

³⁴ Айзенштадт С.Н. Культура, религия и развитие в североамериканской и латиноамериканской цивилизациях // МЖСН. Америка: 1491–1992. Исторические пути и детерминанты развития в их многообразии. 1993. Май. № 1. С. 179.

³⁵ Гофф Ж. ле. Цивилизация средневекового Запада. М., 1992. С. 303–305.

³⁶ Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм. XV–XVIII вв. Т. 3. М., 1992. С. 56–57.

³⁷ Гофф Ж. ле. Указ. раб. С. 89.

³⁸ Бручи С. Истоки экономического развития Соединенных Штатов Америки // МЖСН. Америка: 1492–1992... С. 120.

³⁹ Ф. Барт своей знаменитой работой «Этнические группы и границы» (1969) совершил переворот в антропологии, высказав мысль, что «этническое» кристаллизуется на границе, а не внутри народов.

E.L. T o r o r o v a. «Marginal» Ethnicity Phenomenon in Anthropology of Great Britain and the USA

The conception of «ethnicity» in Anglo-American anthropology from the time of its appearance in 1940s has been considerably changed. The ethnicity was realised as common to all mankind phenomenon.

Considering the interrelation of «kommunilizm» the author stresses that in the circumstances of general education and globalization they gain the form of ethnicity.